

Безъ узды, одинѣ, по волѣ
Скачетъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.

Одинокъ я—лѣтъ отрады:

Стѣны голыя кругомъ;

Тускло свѣтитъ лучъ лампы

Умирающимъ огнемъ;

Только слышно: за дверями

Звучномѣрными шагами

Ходитъ въ тишинѣ ночной

Безотвѣтный часовой.

Желаніе. 1).

Отворите мнѣ темницу,

Дайте мнѣ сіянье дня,

Черноглазую дѣвицу,

Черногриваго коня!

Дайте разъ по синю полю

Проскакать на томъ конѣ;

Дайте разъ на жизнь и волю,

Какъ на чуждую мнѣ долю,

Посмотрѣть поближе мнѣ.

Дайте мнѣ челнокъ досчатый

Съ полусгнившею скамьей,

Нарусъ сѣрый и косматый,

Ознакомленный съ грозой.

Я тогда пушусь въ море,

Беззаботенъ и одинъ;

Разгуляюсь на просторѣ

И потѣшусь въ буйномъ спорѣ

Съ дикой прихотью пучинъ;

Дайте мнѣ дворецъ высокій

И кругомъ зеленый садъ,

Чтобъ въ тѣни его широкой

Зрѣлъ алтарный виноградъ,

Чтобъ фонтанъ, не умолкая,

Въ залѣ мраморномъ журчалъ,

И меня, въ мечтаньяхъ рая,

Хладной нилью орошалъ,

Успокаивалъ и пробуждалъ...

Сосѣдъ.

Кто бъ ни быть ты, печальный мой со-
сѣдъ,

Люблю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ,

Тебя, товарищъ мой случайный,

Хотя судьбы коварною игрой

Навѣки мы разлучены съ тобой:

Стѣной теперь,—а послѣ тайной.

Когда зари румяный полусвѣтъ

Въ окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ

Мнѣ, умирая, посылаетъ,

И опершись на звѣчное ружье,

Нашъ часовой, про старое жите

Мечтая, стоя засынаетъ,

Тогда, чело склонивъ къ сырой стѣнѣ,

Я слушаю—и въ мрачной тишинѣ

Твои напѣвы раздаются

О чемъ они—не знаю, но тоской

Исполнены, и звуки чередой,

Какъ слезы, тихо льются, льются.

И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь—

Въ груди моей все оживаетъ вновь,

И мысли далеко несутся,

И полонъ умъ желаній и страстей,

И кровь кипитъ—и слезы изъ очей,

Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ мою
Мою таинственную повесть,

Какъ я любилъ, за что страдалъ:

Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Имъ сердце въ чувствахъ дать отчетъ,

У нихъ попросить сожалѣнья—

И пусть меня накажетъ Тотъ,

Кто избрѣлъ мои мученья.

Укоръ невѣжды, укоръ людей—

Души высокой не печалить;

Пусть шумитъ волна морей—

Утѣсь гранитный не повалитъ.

Его чело межъ облаковъ;

Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,

И, кромѣ бури да громовъ,

Онъ никому не вѣритъ думы.

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою

Я зналъ—ударъ судьбы меня не обойдетъ,

Я зналъ, что голова, любимая тобою,

Съ твоей груди на плаху перейдетъ.

Я говорилъ тебѣ: ни счастья, ни славы

Мнѣ въ мирѣ не найти. Настанетъ часъ

И я паду—и хитрая вражда [кровавый,

Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій ге-

И я погибну, безъ слѣда [нѣтъ]

Моихъ надеждъ, моихъ мученій..

Но я безъ страха жду довременный конецъ;

Давно пора мнѣ миръ увидѣть новый,

Пусть толпа растопчетъ мой вѣнецъ,

Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый;

Пусть! я имъ не дорожилъ!

Бородино.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ

Москва, спаленная пожаромъ,

Французу отдана?

Вѣдь были жъ схватки боевыя?

Да, говорятъ, еще какія!

Не даромъ помнитъ вся Россія

Про день Бородина!»

—Да, были люди въ наше время, нѣтъ

Не то что нынѣшнее племя: нѣтъ

Богатыри—не вы!

Плохая имъ досталась доля:

Немногіе вернулись съ поля.

Не будь на то Господня воля,

Не отдали бъ Москву!

1) Вариантъ къ предыдущему стихотворенію.